

Группа «Надежда» уехала, но её влияние на «Планету» никуда не исчезло. Напротив, брошенные Джошем семена продолжали прорастать, будоража умы участников рок-четверки.

Ланс был полностью согласен с прощальными словами Джоша. Настоящая группа обязана иметь собственный материал. Без оригинальных песен их творчество превратится в костер без дров — вспыхнет ярко, но прогорит в одно мгновение.

Вот только ни Болдуин, ни Тео, ни Джеймс талантом сочинительства обделены не были — его у них попросту не существовало.

Даже хваленый дар самого Ланса пока ограничивался лишь обрывками симпатичных мелодий. Свести эти разрозненные наброски в единую, гармоничную и цепляющую песню оказалось чертовски трудной задачей.

Ланс намертво застрял в творческом тупике.

В один из дней, запершись в арендованной Болдуином каморке, он с самым торжественным видом уселся на единственную односпальную кровать и, словно заправский тиран, велел всем заткнуться и не дышать в его сторону.

Великий творец изволил снизойти до дела: он вознамерился написать шедевр, который затмит легендарную «Yesterday» группы «Битлз»!

Сделав это громкое заявление, Ланс с суровым изяществом раскрыл чистую тетрадь, положил рядом ручку, взял в руки гитару и замер в ожидании, пока снизойдет озарение.

Зная его скверный характер, спорить никто не решился.

Болдуин, дабы не навлекать на себя гнев маэстро, ушел курить на улицу. Тео тоже не горел желанием киснуть в душной комнате и отправился шататься по переулкам.

В итоге остался только Джеймс. Движимый чистым любопытством перед таинством создания музыки, он вызвался помогать.

Устроившись на ковре возле кровати и задрав голову, Джеймс с восторженной улыбкой преданно смотрел на Ланса. Он ждал, когда тот разразится гениальной импровизацией и начнет яростно строчить в тетради потрясающий хит всех времен.

Прошел час. Страница тетради оставалась девственно чистой. Ланс со стеклянным взглядом созерцал потолок, напоминая изваяние.

Обожание на лице Джеймса медленно сменялось скепсисом. Улыбка сползла с его губ, а во

взгляде засквозило глубокое сомнение.

Когда Болдуин и Тео, весело перешучиваясь и звеня бутылками пива, ввалились обратно, затворники сидели ровно в тех же позах, не шелохнувшись.

Болдуин, как человек мягкосердечный, попытался разрядить обстановку:

— Эм-м... Может, сделаем глоток пива, а уж потом вернемся к великим мыслям?

Тео же покати́лся со смеху:

— Похоже, богиня вдохновения брезгует иметь дело с парочкой неудачников!

Ланс взвился на месте. Сгорая от стыда и ярости, он замахнулся пустой тетрадкой и принялся околачивать ею голову наглеца.

Болдуин, на ходу бросив пиво, кинулся их растаскивать. Джеймс тем временем бочком протиснулся к покупкам и присосался к одной из бутылок.

А песня...

Что ж, сочинительство пришлось отложить до лучших времен — видимо, у богини вдохновения сегодня был выходной.

Потасовка быстро переросла в шутиливую возню, и неловкий момент замяли.

Ни Болдуин, ни Тео, ни Джеймс не придали неудаче значения. Они даже попытались утешить Ланса, уверяя, что в этом нет ничего страшного. Мол, не каждому дано писать музыку, прорвемся, найдем другой выход.

Но их сочувствие пропало даром.

В упрямой голове Ланса Уинфилда родилась совершенно иная логическая цепочка:

"Что значит «не каждому дано»? — возмутился он про себя. — Вы меня к этой серой массе приравниваете? Да я же, вашу мать, гребанный гений!"

Упрямца невозможно переубедить.

Особенно если этого упрямца зовут Ланс Уинфилд.

Следующие несколько месяцев он бредил только сочинительством. Тетрадь пухла от черновиков, но дело не двигалось ни на дюйм.

Доведенный до крайности, некогда образцовый ученик сотворил нечто немыслимое: махнув на все рукой, он прямо на бланках экзаменационных листов начертил нотный стан и принялся набрасывать туда аккорды и строчки стихов.

Почему он пошел ва-банк?

В глазах Джеймса Ланс всегда оставался неприступной вершиной академических знаний.

Но это было лишь типичное заблуждение заядлого двоечника, боготворящего отличника.

На самом деле Ланс просто превосходил сверстников сообразительностью, легче усваивал материал и прекрасно знал, как втереться в доверие к учителям.

Теперь же все его время и силы без остатка поглощала группа. Постоянные выступления и ночной образ жизни заставляли его то и дело выдумывать предлоги для пропусков. Оценки покатились по наклонной, угрожая окончательно похоронить его успеваемость.

Сам Ланс тревогу не бил.

Падение успеваемости происходило так плавно, что он и сам не заметил, как оказался у самого края пропасти.

В день экзаменов наступила расплата.

Итог оказался закономерен: полный провал по всем предметам.

Выйдя из аудитории, Ланс уже все прекрасно понимал.

Признаваться родителям не хотелось. Тогда в его голове созрел безумный план: подговорить Болдуина прикинуться его отцом и оформить в школе академический отпуск.

Но в чем провинился несчастный Болдуин?

Бедный барабанщик в ужасе отнекивался:

— Мне всего двадцать пять, а не тридцать пять! Слышишь, не тридцать пять! Мне что, метрику из родного города притащить, чтобы ты поверил? И вообще, с чего вдруг такие крайности? Конечно, я только рад, что ты сможешь целиком отдаться музыке, но, приятель, я не хочу,

чтобы ты потом локти кусал.

Ланс, возможно, и проникся этой заботой...

...но от своего намерения не отступился.

За спиной остались почти сто концертов. Познав пьянящий вкус сцены и насмотревшись на кругосветные турне группы «Кенгуру», он больше не мог заставить себя просиживать штаны за скучными, серыми лекциями. Шаблонное образование вызывало лишь глухое отторжение.

Оперившийся орленок, однажды вкусивший свободу полета, никогда добровольно не вернется в тесный курятник.

Каким бы теплым ни было крыло матери-наседки.

Экзаменационный крах стал лишь детонатором.

Захоти Ланс исправить положение, его ума с лихвой хватило бы, чтобы нагнать упущенное за пару недель, а природное обаяние помогло бы выпросить у доверчивых преподавателей пересдачу.

Вот только он не видел в этом ни малейшего смысла.

Он грезил ценой. Хотел сколотить великую банду, стать непревзойденным гитаристом и колесить по миру под восторженные крики толпы, как парни из «Кенгуру». Кому нужны эти душные аудитории, если впереди маячит карьера пресного бухгалтера, дантиста или юриста — все ради того, чтобы ублажить родительское эго и к сорока годам обзавестись унылой плешью? Тьфу, мерзость!

Словом, он твердо вознамерился бросить учебу и примкнуть к своим безработным соратникам.

Правда, врожденная практичность требовала подстраховаться и оформить именно академический отпуск — отсюда и возникла безумная идея с Болдуином-опекуном.

Но беда не приходит одна.

Фортуна окончательно повернулась к Лансу спиной.

Один из учеников признал в уличных музыкантах школьную звезду и сдуру сболтнул об этом учителю.

Администрация пришла в неопиcуемый ужас. Директор и преподаватели взирали на некогда примерного мальчика со смесью скорби, разочарования и гнева — так смотрят на малолетних преступников, ступивших на скользкую дорожку.

Ну а Болдуина...

Его и вовсе сочли совратителем несовершеннолетних. В полицию заявлять не стали лишь за отсутствием состава преступления.

Началась бесконечная свистопляска с вызовом родителей и нотациями.

К счастью, мать Ланса, миссис Уинфилд, оказалась женщиной на редкость разумной и широких взглядов.

Позже Болдуин в красках пересказывал этот разговор Джеймсу и Тео, которые при разборках не присутствовали.

— Ты твердо все решил?

— Да.

— Сможешь сам себя прокормить?

— В клубе мне платят по двадцать фунтов в неделю. Дальше будет больше.

— Звучит неплохо. Что ж, ладно.

— Как? Вы согласны? Я думал, вы потребуете, чтобы я стал бухгалтером или юристом...

— Глупости какие. Дети рождаются не для того, чтобы ублажать родителей.

Немного помолчав, миссис Уинфилд добавила:

— Тебе уже семнадцать, Ланс, а не семь. И сейчас важно не то, кем тебя хотим видеть мы, а то, кем ты сам желаешь стать. Я хочу, чтобы ты занимался любимым делом, но только если это взвешенный выбор, а не минутный каприз. Если ты все обдумал и не намерен отступать — дерзай. Береги себя и не заставляй нас излишне волноваться. Но помни: жизнь — штука суровая. Велик шанс, что ты споткнешься и набьешь шишек. Не бойся этого. Ты еще совсем молод, у тебя впереди уйма времени, чтобы ошибаться и начинать заново. Главное — если вдруг проиграешь, возвращайся домой с той же гордо поднятой головой, что и сегодня. Мы с отцом всегда будем ждать тебя к ужину.

Ланс со всей серьезностью ответил:

— Я не проиграю.

Они обнялись и, примирившись, пошли оформлять бумаги.

Миссис Уинфилд определенно была лучшей матерью на свете!

Джеймс, слушая этот рассказ, едва не разрыдался от избытка чувств. Его зеленые глаза подозрительно заблестели.

Он тут же с надеждой пристал к Лансу:

— А у тебя сестры есть? Или, может, у твоей мамы найдутся племянницы моего возраста? На худой конец, незамужняя тетушка?

— Заткнись, — отрезал Ланс. — В моей семье дураков нет, чтобы на тебя зариться.

Джеймс увял и почувствовал себя глубоко уязвленным.

Но на этом драма не закончилась.

Болдуин продолжил свое повествование.

Даже когда согласие родителей было получено, упертое школьное руководство наотрез отказалось подписывать документы на академический отпуск.

Консерваторы из попечительского совета стояли насмерть: будь то болезнь или семейная трагедия — они бы пошли навстречу. Но бросать учебу ради того, чтобы бренчать на гитаре в сомнительных притонах и катиться по наклонной плоскости? Абсурд! Неслыханная наглость! Школа не станет потакать подобному разврату!

Родители Ланса спорили с упрямым директором больше двух часов, но тот остался непреклонен.

Ультиматум звучал жестко: либо парень забирает документы и катится на все четыре стороны, либо берется за ум, рвет связи с подозрительным сбродом (при этих словах Болдуин тихо пискнул: «Я вообще-то просто барабанщик!»), пишет покаянную записку и возвращается к подготовке к выпускным.

Ланс, не колеблясь, выбрал исключение.

Это решение опечалило его мать.

Все-таки до этого момента ее мальчик считался гордостью школы, и принять столь резкий поворот судьбы ей было непросто.

Ланс все видел и понимал, а потому угрюмо молчал всю дорогу.

Однако, переступив школьный порог, он крепко обнял мать и выдал совершенно невообразимое утешение:

— Не грусти, мам. Верь в меня. То, что эти зануды вышвырнули меня — сущие пустяки. Пройдет пять лет, а может, и меньше, и я заработаю на своей музыке столько, что выкуплю это чертово заведение с потрохами.

Болдуин дословно, с придыханием воспроизвел эту фразу:

— Так и сказал: «Я выкуплю это чертово заведение с потрохами!»

Барабанщик прямо-таки лучился восторгом, будто «Планета» уже вырвалась на космическую орбиту и бороздила просторы вселенной.

— Ого! — в один голос выдохнули Джеймс и Тео и дружно захлопали.

Да уж, даже вылетают из школы отличники с каким-то особым шиком. Не то что тупицы.

История вышла на редкость кинематографичной.

Сам виновник торжества, кажется, поймал волну вдохновения и теперь ожесточенно строчил что-то в тетради. В его некогда праздной жизни наконец-то появилась глобальная цель.

Цель всей жизни: купить среднюю школу за пять лет.

И тут до Джеймса наконец дошло. При всей своей внешней практичности и остром уме Ланс Уинфилд на поверку оказался...

Потратить пять лет жизни на зарабатывание кучи денег ради того, чтобы приобрести унылую казенную коробку?

Ее нельзя съесть, нельзя выпить, там нельзя жить, развлекаться и уж тем более трахаться. На кой черт она сдалась? Чистой воды благотворительность?

...редкостным идиотом.

Точно! Иных вариантов не было.

<http://bllate.org/book/19389/1983863>